

Отзвуки движения „Чешских братьев“ в Прибалтике в 18—19 веках

Universita P. Stučky, Riga, Lotyšská sov. soc. republika

В. О. МИЛЛЕР — Э. А. МЕЛЬКИСИС

Прибалтийские земли, населенные латышами и эстонцами, в 13 веке огнем и мечем были завоеваны германскими крестоносцами, а населявшие народы их поработены. С этого времени вплоть до 20 века здесь господствовало остзейско-немецкое дворянство и духовенство. В 18 веке (1721 г.) Прибалтика была присоединена к России, что имело прогрессивное значение для исторических судеб прибалтийских народов, для их дальнейшего развития. Но и после присоединения к России немецкое господство до конца 19 века сохраняло большинство своих привилегий.

В 18—19 вв. в Прибалтике среди латышских и эстонских крестьян получили распространение религиозно-политические идеи так называемых гернгутеров. Религиозно-общественное движение гернгутеров зародилось в местечке Гернгуте, Саксония (Германия). Но своими корнями это движение уходит к „чешским братьям“ — представителям религиозной секты, возникшей, как известно, в середине 15 века после поражения таборитов в Чехии. Возникновение гернгутерских общин непосредственно связано с той ветвью „чешских братьев“, которая действовала в Моравии и именовалась „моравскими братьями“.

Как известно, общины „моравских братьев“ после ликвидации политической самостоятельности Чехии, последовавшей в результате Белогорской битвы в 1620 году, подвергались разгрому. Значительное большинство „моравских братьев“ во главе с их последним епископом — видным чешским мыслителем Яном Амосом Коменским (1592—1670) эмигрировало сначала в Польшу, потом и в другие страны.

В Моравии оставалась и продолжала нелегально действовать лишь небольшая часть „моравских братьев“. Но в начале 18 века и они вынуждены были покинуть родину.⁴⁾ Под руководством своего предводителя Христиана Давида (1690—1751) оставшиеся „моравские братья“ в 1722 году переселились в Саксонию, где они нашли покровителя в лице саксонского графа Николая Людвига фон Цинцендорфа (1700 до 1760), позже ставшего идейным руководителем гернгутерских общин. В имении Цинцендорфа переселенцы из Моравии обосновали свою

⁴⁾ См. Р. Каливода. Моравские братья. Философская энциклопедия, т. III, М., 1964, стр. 498.

колонию, получившую название „Гернгуте“ (Herrnhut — нем. „господское стадо“).

С именем предводителя „моравских братьев“ Х. Давида связано также возникновение гернгутерских общин в Прибалтике. В октябре 1729 года Х. Давид с целью распространения идей гернгутерства прибыл в Ригу, где его гостеприимно принял лютеранский пастор Гауфман (Haufmann) и его помощник Лодер, являвшийся в то время ректором рижского лицея. Уже до конца 1729 года в Риге образовался небольшой кружок (13 чел.) из сторонников братских общин. Правда, в этот самый начальный период приверженцами гернгутерских идей являлись только немцы, принадлежавшие к привилегированным сословиям. Некоторые из них заинтересовались чисто религиозным содержанием движения, идеями нравственнорелигиозного очищения и морального самосовершенствования, а другие (помещики, пасторы) рассчитывали, что с помощью распространения таких гернгутерских идей, как непротивление злу, смирение, покорность и трудолюбие удастся смягчить враждебность латышского и эстонского крестьянства к остзейскому дворянству и духовенству, воспрепятствовать развитию классовой борьбы и повысить производительность крестьянского барщинного труда.

Среди латышских и эстонских крестьян гернгутерское движение начинается с 1730 года, когда проповедник Х. Давид по приглашению нескольких помещиков совершил поездку в северную Лифляндию (как в ту ее часть, которая была населена латышами, так и в ту, которая была населена эстонцами). Здесь он, работая столяром, непосредственно общался с латышскими ремесленниками, крестьянами, овладел латышским языком.

Тяжелое крепостное рабство и эксплуатация крестьян, откуда крестьяне и ремесленники не видели выхода, а также тесная связь господствовавшей в Лифляндии лютеранской церкви с эксплуататорами-помещиками, неприкрыто немецкий характер церкви, помещичий образ жизни пасторов — все это составляло социальную почву, где разрастались семена новых гернгутерских идей. Особо привлекательным для крестьян был известный внутренний демократизм нового движения, его близость к трудовой жизни крестьян и ремесленников, унаследованный из учений таких идеологов чешско-моравских „братьев“ как Лукаш Пражский (р. ок. 1460—1528), Ян Амос Коменский и др. Гернгутеры объединились в общине без пасторов, под руководством своих старейшин. Они не требовали от членов общин разрыва с лютеранской или католической церковью. Богослужения происходили в „домах сходов“ или под открытым небом без соблюдения церковных церемоний. Вступившие в общину крестьяне становились ее активными деятелями. Со временем любовью из них мог стать руководителем общины. Члены гернгутерских общин называли друг друга братьями, откуда и само объединение получило название „братской общины“.²⁾

Как отмечалось выше, распространению в Прибалтике отдельных положительных сторон организации и деятельности общин „чешских братьев“, являвшихся демократической организацией чешского народа, хранительницей его национально-освободительных традиций и крупной культурной силой,³⁾ способствовало определенное сходство исторических условий, в которых находились народы Чехии и Прибалтики. Как

одни, так и другие находились в крепостной зависимости, под иноземным игом. Как одни, так и другие в условиях жестокой феодальной эксплуатации и национального угнетения сохранили живое стремление добиться политического и экономического освобождения.

Латышские и эстонские крестьяне ненавидели своих угнетателей и боролись против них. Они ненавидели и господствовавшую церковь, уклонялись от выполнения насильственно навязанных им церковных обрядов. Остзейское дворянство даже не стеснялось в проекте „Свода рыцарского и земского права Лифляндии“ (1740 г.) прямо записать о том, что церковь должна всемерно защищать власть помещиков: „в целях предотвращения неповиновения крестьянских масс и чтобы по возможности глубже укрепить в них уважение к помещикам и прочему начальству, что необходимо для обеспечения безопасности помещиков, пасторы немецких⁴⁾ приходов должны неотступно и серьезно говорить об этом крестьянам и по возможности лучше прививать им нужное послушание“.⁵⁾ Крестьяне в общем верно понимали, что лютеранские пасторы, жившие в своих имениях и эксплуатировавшие подчиненных им крестьян, были такими же крепостниками, как и все прочие помещики. В противоположность этому, простота „братских общин“ и их близость к народным массам, являлись для крестьян большой притягательной силой.

Главным центром гернгутерского движения в Лифляндии стал Валмиерский уезд. Имения этого уезда — Валмиермуйжа, Мурмуйжа, Буртниеки и Зварте принадлежали вдове генерала Галларта, которая находилась под влиянием пиетизма и оказывала гернгутерскому движению свое покровительство. В 1736 году в г. Валмиеру приехал приглашенный Галларт главный организатор гернгутеров, саксонский граф Цинцендорф. Чтобы способствовать распространению гернгутерского учения, по совету Цинцендорфа, Галларт основала в 1737 году в Валмиермуйже специальную семинарию, где латышских юношей обучали грамоте и подготавливали для работы проповедниками и учителями. Из семинарии вышли деятели латышских братских общин, среди которых особенно активными были Петерис Шкестерс и Петерис Кисис, позже выступившие защитниками крепостных крестьян от произвола остзейских помещиков.

Вскоре гернгутерские общины стали выходить из-под влияния немецкого дворянства. В январе 1739 года в гор. Балмиера было организовано первое собрание латышей, представителей ближайших общин, а летом — большое празднование троицы, получившее широкие отзвуки среди латышских крестьян северной части Лифляндии.⁶⁾

В 1742 году в г. Валмиера была основана первая гернгутерская община; в том же году были основаны еще три общины — в местечках

²⁾ См. История Латвийской ССР, том I, Изд. АН Латв. ССР, 1952, стр. 301.

³⁾ См. В. Д. Неронова. Община чешских братьев и ее эволюция. Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1961. № 1, стр. 175.

⁴⁾ „Ненемцы“ назывались латыши и эстонцы, т. е. коренное население Прибалтики.

⁵⁾ Budberg—Schrader. Des Herzogthums Livland Ritter- und Landrechte, ЦГИА Латв. ССР, ф. 4038, оп. 2, д. 372.

⁶⁾ См. М. Plitt. Die Brüdergemeinde und die lutherische Kirche in Livland, Gotha, 1861, S. 113.

Страупе, Лиепе и Марсенах. Общее количество организованных членов общин к этому времени в латышской части Лифляндии уже достигало почти 3 тысяч, а в эстонской части (с островом Саарема) около 9 тысяч.

В среде латышских и эстонских крепостных крестьян гернгутерское движение, как признано историками Советской Латвии, „приобрело весьма определенную политическую окраску“.⁷⁾ Несмотря на отсталую сектантско-религиозную форму, гернгутерское движение, охватившее крестьянские массы, приобрело значение классового протеста против господствовавшей лютеранской церкви и ига остзейского дворянства. История показывает, что в условиях феодально-крепостнической эксплуатации, когда крестьянская масса подавлена беспросветной нуждой и темнотой, классовые противоречия нередко принимают религиозную окраску. Протесты эксплуатируемых выражаются в форме сектантских движений, враждебных господствующему классу.

В начале 40-х годов 18 века в эстонской части Лифляндии крестьяне, объединившиеся в братские общины, в ряде случаев открыто демонстрировали свою ненависть к игу остзейских баронов. Их ненависть к угнетателям, мысли о необходимости активной борьбы против помещиков выражались в форме „пророческих предсказаний“ и „проповедей“. Большую популярность среди эстонских крестьян приобрел проповедник гернгутерской общины Таллинадский Паап (1710—1768), в проповеднической деятельности которого видно было „яркое выражение антикрепостнической идеологии крестьянства“.⁸⁾ Подобно Томасу Мюнцеру Таллинадский Паап считал себя прямым орудием в руках божьих, с помощью которого может быть изменен общественный строй. На сходках у Таллинадского Паапа, где собирались не только члены общин, но и многие окрестные крестьяне — не члены общин, обсуждались вопросы о тяжелом экономическом положении крестьян, о том, как освободиться от крепостного рабства.⁹⁾ Таллинадский Паап проповедовал, что скоро придет время, когда имения будут принадлежать не помещикам, а самим крестьянам. За такие открытые антикрепостнические выступления в 1742 году был арестован как сам Таллинадский Паап, так и около 60 крестьян — его слушателей и наиболее убежденных сторонников.

Очень скоро остзейское дворянство и духовенство начали понимать, что гернгутерское движение, которое кое-кто из них намеревался использовать для усиления своего господства, постепенно стало оборачиваться против них. Вступившие в общины гернгутеров крепостные крестьяне выходили из-под влияния лютеранских пасторов. Представители лютеранского духовенства не без основания стали жаловаться, что братские общины подрывают авторитет местных пасторов, объединяют крестьян в организации, находящиеся вне церковного контроля. Помещики со своей стороны стали проявлять недовольство тем, что члены гернгутерских общин, собираясь в своих молитвенных домах, часто по ночам, обсуждают не только религиозные, но и чисто житейские вопросы. На этих собраниях часто намечались планы сопротивления увеличению по-

⁷⁾ История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Второе переработанное и дополненное издание, под ред. академика А. А. Дризула, Рига, 1971, стр. 104.

⁸⁾ История Эстонской ССР, том I, Таллин, 1961, стр. 544.

⁹⁾ История Эстонской ССР, том I, Таллин, 1961, стр. 544.

мещиками количества барщинных дней и усилению крепостнической эксплуатации. Особенно не нравилось помещикам, что члены гернгутерских общин обучаются грамоте.

По предложению консистории и коллегии лифляндского ландтага генерал-губернатор Лифляндской губернии граф Ласси в 1743 году назначил специальную комиссию из дворян и пасторов для расследования деятельности гернгутеров. Остзейскому дворянству удалось убедить императрицу Елизавету издать в 1743 году указ о запрещении деятельности гернгутерских братских общин. В связи с этим прекратила свое существование и руководимая гернгутерами учительская семинария в городе Валмиера. Руководители гернгутерского движения стали подвергаться репрессиям. Реакционная лифляндская консистория требовала изгнать из Прибалтики (Лифляндии) гернгутерских „братьев“ иностранцев, запретить им переписываться с лифляндскими „братьями“, уничтожить написанные на латышском языке гернгутерские книги и привлечь к ответственности тех пасторов, которые более или менее благосклонно относились к гернгутерскому движению. На практике эти требования были осуществлены лишь частично.

Несмотря на запрещение и репрессии, гернгутерское движение в Прибалтике не прекратилось, так как не изменилось социально экономическое положение крестьян, сохранилось недовольство крестьян этим положением. Почти все гернгутерские общины продолжали свою деятельность, но теперь уже как нелегальные организации. Сходки гернгутеров происходили тайно, большей частью ночью, в крестьянских хуторах, а иногда и в лесу. В условиях нелегального существования гернгутерская община организационно распадалась на небольшие кружки от трех до пяти человек в каждом. Руководство кружками находилось в руках латышей и эстонцев. Три — семь кружков составляли конференцию, которая собиралась по воскресным вечерам. Таким образом, запрещение движения гернгутеров, вопреки ожиданиям дворянства, способствовало большему организационному укреплению „братских“ общин, усилению антиклерикального, антикрепостнического содержания их деятельности.

Кроме того, запрещение гернгутерского движения способствовало развитию латышской рукописной литературы. Надо иметь в виду, что в условиях созданного немецкими колонизаторами жестокого режима феодально-колониального угнетения и порабощения, не могла успешно развиваться ни материальная, ни духовная культура латышского и эстонского народов. Завоеватели, держа в своих руках всю политическую, экономическую и идеологическую власть, всячески препятствовали получению образования, созданию своей письменности и печатной литературы прибалтийских народов. Так как в период запрещения официальная гернгутерская литература, как правило, конфисковывалась, то гернгутеры энергично создавали свою рукописную литературу. Правда, до середины 18 века она в своем большинстве представляла тексты религиозных догматов, но уже во второй половине 18 века содержание гернгутерской литературы заметно расширилось. Распространение получили хроники общин и жизнеописания отдельных их членов, в которых отражались факты и события того времени. Характерно и осуждающее отношение авторов многих хроник и жизнеописаний. напр., Кишу Пе-

тера, Приекулю Подию Мартина¹⁰⁾ и др. к фактам произвола и угнетения со стороны помещиков и пасторов. На традициях гернгутерской письменности выросла немногочисленная, но идейно значимая антикрепостническая рукописная латышская литература.¹¹⁾

Царское правительство вскоре убедилось, что для крепостничества наибольшую опасность представляют нелегальные „братские общины“ гернгуторов, поскольку они оказались всецело в руках латышских и эстонских крепостных крестьян. Для того, чтобы подчинить гернгутерское движение контролю местных властей и дворянства, царское правительство решило легализовать общины и отменить указ 1743 года. В 1764 году гернгутерам снова была предоставлена свобода религиозной деятельности. Однако из-за саботажа лютеранских пасторов это распоряжение не имело большого значения и только около 1770 г. гернгутерское движение открыто возобновилось.

Когда в 70—80-х годах 18 века в Лифляндии вспыхнули крестьянские волнения, гернгутерские очаги, как, например, Валмиера, Цесис, Рауна и другие стали центрами крестьянского движения.¹²⁾ Члены гернгутерских общин, как констатировали историки Советской Латвии М. Сваране и Т. Зейдс, „почти целое столетие были руководителями крестьянского движения в Лифляндии“.¹³⁾ Однако то большое влияние, которое оказывали гернгутеры на крестьянское движение, имело и свои отрицательные стороны. В частности, исходя из примиренческого отношения гернгуторов к законам, в крестьянских массах насаждалась вера в „доброту царя“ — справедливую законодателя. Царь, якобы, являлся хорошим, но помещики искажали его волю, его законы. Отсюда у крестьян появлялось настойчивое стремление стать крестьянами „казенными“, т. е. подчиненными не помещикам, а государству.

Наибольший подъем гернгутерское движение в Лифляндии пережило в 20-е годы 19 века, когда количество членов общин достигло более 40 тыс.¹⁴⁾ В 1822—1823 гг. под влиянием гернгуторов развернулось широкое крестьянское движение по активному бойкоту мероприятий по „освобождению“ крестьян от крепостной зависимости без земли. Без наличия разветвленной сети братских общин, как указывал академик Я. Зутис, было бы невозможным, чтобы многие тысячи крестьян (около $\frac{1}{5}$ всех крестьян, подлежащих „освобождению“) включились в это движение.¹⁵⁾ Однако руководители гернгутерского движения в Лифляндии

¹⁰⁾ См. Endzelins H. Skati Valmieras pils. draudzes un noyada pagatne, Valmiera, 1932., 152.—156.lpp.

¹¹⁾ См. А. Апинис. Латышская антифеодальная рукописная литература. Автореферат на соискание ученой степени канд. филолог. наук, Рига, 1965, стр. 4.

¹²⁾ См. История Латвийской ССР, том I, стр. 303.

¹³⁾ М. Svarane, T. Zeids. Zemnieku kustiba, LME, 3.sej., Riga, 1970., 745.lpp. См. также T. Zeids. Formen des bauerlichen Klassenkampfes in Lettland im Zeitalter des Feudalismus. „Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas“, Berlin, H.12, 1968.

¹⁴⁾ См. J. Zutis. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gadsimta sakuma (1804.—1819.), Riga, 1954., 191.lpp.

¹⁵⁾ Там же.

(в частности, пастор Эвальд) и зажиточная часть членов общин, испугавшиеся предупреждений местных властей и ввода в Лифляндию крупных воинских сил, которые были размещены по уездам и даже отдель-

ным имениям, отказались от своих прежних заявлений и обещали исполнять все предусмотренные законом обязательства.

Гернгутерские братские общины, начиная с 20-х годов 19 века, все более стали отмежевываться от беднейшей части крестьянства, препятствовали поднятию сознания крестьян до понимания необходимости классовой борьбы против дворян. Общины стали организацией, выражавшей интересы зажиточной части крестьянства, которая позже превратилась в кулачество.

С 30-х годов движение братских общин пошло на убыль. В 1832 году деятельность общин царским правительством была подчинена полному контролю лютеранской церкви. В 1834 году распоряжением правительства был установлен ряд существенных ограничений деятельности общин. В частности, проповедникам и членам общин, не имеющим высшего образования, не разрешалось произносить проповедей; ограничивалось и право передвижения гернгутеров.

В изменившихся социально-экономических условиях движение братских общин, хотя оно сохранилось вплоть до начала 20 века, постепенно утрачивало свое общественное влияние и значение.

Таким образом, демократические традиции и идеи „чешских братьев“, распространившиеся в 18-м и начале 19-ого веков в Прибалтике, в сходных с Чехией исторических условиях, оказали в конечном счете положительное воздействие на развитие антикрепостнического классового сознания и национально-освободительных тенденций латышского и эстонского народов.

V. O. MILLER, E. A. MELKISIS

Ohlas hnutí českých bratří v Pobaltí V 18.–19. století

REZUME

V 18.–19. století se mezi lotyšskými a estonskými rolníky rozšířily ideje přívrženců tzv. ochranovského hnutí. Toto hnutí se zrodilo v saském městečku Ochranov (Herrnhut), ale svými kořeny sahá až do poloviny 15. století — k ideologii českých bratří.

Samotné městečko Ochranov bylo založeno přesídlenci z Moravy. Jejich zástupce Kristián David navštívil v r. 1729 Rigu a tato jeho cesta vedla k založení prvních „bratrských občin“ v Pobaltí. Členové těchto občin se navzájem nazývali bratry. Sdružovali se bez pastora, pod vedením svého staršiny. Bohoslužby se pořádaly v domácnostech anebo pod širým nebem.

Vnitřní demokratismus nového hnutí přitahoval zejména rolníky a řemeslníky, nenávidějící své utiskovatele — pobaltskou německou šlechtu a duchovenstvo. V Lotyšsku byl hlavním centrem tohoto hnutí Valmierský újezd. V městě Valmiera byl r. 1737 dokonce založen zvláštní seminář, kde se připravovali bratrští kazatelé a učitelé.

Nehledě na svou zaostalou formu náboženské sekty vyjadřovalo ochranovské hnutí třídní protest pobaltského rolnictva namířený proti praktikám vládnoucí luteránské církve a proti útisku německé šlechty. Představitelé luteránského duchovenstva si nikoliv bezdůvodně začali stěžovat, že bratrské obcíny podřývají autoritu místních pastorů, neboť sdružují rolníky do organizací, které nejsou kontrolovány ze strany církve.

Statkáři začali pak být nespokojeni tím, že na shromážděních členů bratrských občin se projednávají nejen náboženské otázky, ale že se tam vyvíjí i vzdělávací činnost, kritizuje rozsah roboty apod. Pod tímto tlakem zakázala carevna Alžběta v r. 1743 činnost ochranovských občin a započalo se s represí jejich členů. Přesto však obcíny

ve svém působení pokračovaly nyní již jako ilegální organizace, a to převážně v poměrně málo početných kroužcích. Carská vláda nebyla s to tomu účinně bránit a proto byla nucena změnit taktiku. V roce 1764 opět Ochranovským povolila svobodně vykonávat náboženskou činnost, při čemž bylo zároveň vyvinuto značné úsilí k tomu, aby se tato činnost dostala pod kontrolu místních orgánů a šlechty.

Pod vlivem Ochranovských vzniklo v letech 1822–1823 široké rolnické hnutí, usilující o bojkot opatření „osvobozujících“ rolnictvo od nevolnické závislosti bez půdy. Vedoucí představitelé ochranovských bratrských občin však později přestali toto hnutí podporovat. Vůbec možno říci, že od dvacátých let XIX. století se tyto obcíny začaly měnit v organizace vyjadřující zájmy bohatších rolnických vrstev.

V roce 1832 byly podřízeny úplné kontrole ze strany luteránské církve. Roku 1834 byla vládou jejich činnost značně omezena. I když se bratrské obcíny zachovaly až do začátku XX. století, ztrácely ve změněných sociálně-ekonomických podmínkách postupně svůj vliv a význam.